

МЕЖДУ ВЕСТЕРНИЗАЦИЕЙ И САМОБЫТНОСТЬЮ: ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ГЛАЗАМИ БОНКИМЧОНДРО ЧОТТОПАДДХАЯ

Палишева Наталья Витальевна,

кандидат исторических наук

доцент кафедры теории и истории государства и права

Сибирского института управления – филиала

Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ,

Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6

ORCID: 0000-0002-5759-4562

palisheva17@yandex.ru

Аннотация

Осмысление природы западной цивилизации так или иначе происходило практически во всех неевропейских обществах, с ней столкнувшихся. Особенно острым и ярко выраженным этот процесс был в колониальной Индии. Представителям созданной колонизаторами новой общественной элиты приходилось подвергать рефлексии не только устои собственного и европейского обществ, но и рассуждать на темы, касающиеся своего подчиненного и достаточно сложного положения в этой политической системе.

В настоящей статье анализируются взгляды знаменитого бенгальского писателя XIX века Бонкимчондро Чоттопаддхая. Он являлся не только известным писателем, но и примером наиболее успешного для бенгальских реалий тех времен человека. Получив блестящее образование, достигнув потолка в карьерной лестнице, он начинает публично высказывать достаточно смелые по тем временам и для своего положения суждения. В публичной переписке с У. Хасты, видным европейцем, руководителем Института Генеральной Ассамблеи Калькутты, он начинает защищать от нападок индусскую религию и подвергает сомнению известный тезис об интеллектуальном превосходстве Европы. В своих сатирических произведениях, таких как «Записки Комолаканто», он высмеивает не только колониальное положение своей страны, но и созданную Западом систему международного права. Оставаясь фактически носителем западного образа мыслей и не оспаривая ключевых достижений европейского мира, Бонкимчондро пытается «вскрыть» многие его проблемы. Тем са-

мым писатель предлагает свой вариант разрешения одного из главных для колониального общества вопросов – дилеммы между вестернизацией и стремлением к самобытности.

Ключевые слова: колониальная Бенгалия, Индия, Бонкимчондро Чоттопаддхай, антиколониальная идеология, вестернизация, колониальная система.

Библиографическое описание для цитирования:

Палишева Н.В. Между вестернизацией и самобытностью: западная цивилизация и колониальная система глазами Бонкимчондро Чоттопаддхая // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 284–295. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-284-295.

Общественно-политическая мысль колониальной Индии представляет собой значительный интерес по многим причинам. Во-первых, родившаяся в этот период антиколониальная идеология во многом предопределила те ментальные формы, благодаря которым Индия, получив независимость, сумела построить преуспевающее государство современного образца. И, во-вторых, практически всё интеллектуальное пространство индийской колониальной эпохи было пропитано осмыслением взаимоотношений между западной и восточной цивилизацией. Иногда подтверждая, а порой и оспаривая известный поэтический тезис Р. Киплинга о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не престанет Небо с Землей на Страшный Господень суд» [2], индийская антиколониальная мысль формировала совершенно разные варианты восприятия этого вопроса.

Нужно отметить, что осмысление взаимоотношений с Западом и специфики своего общества стало происходить в колониальной Индии достаточно рано, еще задолго до формирования открытой антиколониальной повестки и национально-освободительной идеологии. Особый интерес в этом плане представляет Бенгалия – регион, в котором, начиная со второй четверти XIX века, достаточно бурное осмысление различных сторон колониальной жизни начинает принимать вполне отчетливые формы.

Это проявлялось в создании различных обществ и объединений, ставивших своей целью продвижение бенгальского общества к прогрессу. Наиболее известным являлось общество Брахмо Самадж, члены которого обсуждали необходимость социального и религиозного реформирования, отказа от многих казавшихся варварскими обычаев и т. д. Присутствовала и некоторая критика колониальной системы. Но в общей тональности дублирования колониальной повестки, заключающейся в восхвалении цивилизаторской нации и в гордости за возможность приобщиться к ней, эта критика выглядела достаточно невинно. Так, наиболее известный из ранних бенгальских про-

светителей Раммохан Рай, оценивая английское владычество как безусловное благо для Индии, говорил, что желательно, чтобы через сто лет британцы оставили Индию и не злоупотребляли бы своей властью [7].

Однако со второй половины XIX века этот процесс выходит на иной концептуальный уровень. Мыслители уже не просто рассматривают плюсы и минусы правления «просвещенной нации», а пытаются оценить ситуацию с философской точки зрения.

Важным для понимания закономерностей развития бенгальского дискурса является рассмотрение полемики, развернувшейся на страницах газеты *The Statesman* осенью 1882 г. Поводом послужила публикация в газете описания пятидневного религиозного поминального обряда *шраддхи*, проведенного в Калькутте после смерти пожилой женщины из известной бенгальской семьи. Этот случай был одним из наиболее ярких и крупных исполнений данного ритуала в современной истории Калькутты и сопровождался процедурой поклонения семейному идолу. В опубликованных списках лиц, участвовавших в отправлении ритуала, оказались известные представители бенгальской интеллигенции, принадлежавшие в том числе к брахманской касте.

Участие в ритуале образованных индийцев вызвало активное возмущение руководителя Института Генеральной Ассамблеи Калькутты, европейца А. Хасти. В серии опубликованных в *The Statesman* писем он сокрушался относительно того, что просвещенные индийцы, многие из которых являются сотрудниками Университета Калькутты и членами европейских ученых обществ, до сих пор «отдают священное почтение семейному идолу» и что своим присутствием фактически «одобрили это представление варварского церемониала». В последовавшем описании «чудовищной системы» индуизма с его богами и богинями, являющимися «воплощением зла», негодующий англичанин апеллировал к Святому Павлу, который много сотен лет назад был так же потрясен, увидев в Афинах «город, полностью отданный идолопоклонничеству» [5].

Спустя несколько дней на страницах газеты появился ответ на критические высказывания Хасти с ироническим названием «Современный Святой Павел», автор которого подписался псевдонимом Рам Чандра. Суть короткого письма сводилась к рекомендации ученому европейцу «более глубоко ознакомиться с доктринами индуистской религии и всеми системами индуистской философии», но не с помощью уважаемых западных исследователей, а непосредственно от носителя данных верований, т. е. индуса [Там же, р. 266].

У. Хасти незамедлительно ответил своему оппоненту. В письме «Современный Рам Чандра» он категорически заявил, что санскритский язык и санскритская литература в настоящий момент куда лучше понимаются в Европе и Америке, нежели в Индии, и что изучение индуистской древно-

сти невозможно без соответствующего европейского вклада. Хасти упрекнул своего неизвестного оппонента в сокрытии своего имени псевдонимом [Там же].

В незамедлительном последовавшем ответе оппонент разъяснил англичанину, что он ни в коей степени не умаляет заслуги европейских ученых-санскритологов, однако указал на объективно существующие трудности лингвистического перевода, которые могут привести к существенному искажению переводимых санскритских рукописей. Удовлетворив любопытство Хасти, автор раскрыл свое настоящее имя [Там же]:

По признанию самого Хасти, он был разочарован тем, что его оппонент «оказался не шиваитским священником и приверженцем локального индуизма», как тот предполагал ранее, а известным бенгальским писателем Бонкимчондро Чоттопаддхаем. В опубликованном следом письме с названием «Интеллектуальное превосходство Европы» Бонкимчондро среди прочего указывал на существование индусской традиции устной культуры, без знания которой, коим обладают лишь сами индусы, невозможно адекватное понимание письменных памятников. Защищая индуизм от европейских нападок, автор говорил о легендах индуизма, в частности, об известной легенде о Кришне и Радхе, в которой, по его выражению, воплотилось единение Материи (Радхи) и Духа (Кришны). Впоследствии, отмечал Чоттопаддхай, философия *санкхьи*, одновременно обладавшая богатством мысли и глубоким пессимизмом, провозгласила идею соединения духа и материи недозволенной, поскольку высшее человеческое блаженство заключается в их разъединении. Тем не менее, заключал Бонкимчондро, индусы продолжали поклоняться этому недозволенному союзу, установленному легендой о Кришне и Радхе, представлявшему собой «источник всего прекрасного, любви и истины». И если данная «легенда любви ко всему существующему» рассматривается европейскими критиками как самое отвратительное преступление, когда-либо изобретенное человеческим разумом, это, как иронически заявляет автор, говорит многое об интеллектуальном превосходстве Европы [Там же].

Хасти в ответ публикует растянувшееся на три номера газеты письмо «Интеллектуальная неполноценность Индии», в котором соглашается, что приверженцы любой религии в целом понимают собственную систему лучше, чем кто-либо другой, однако последователи религиозного учения, переросшего ее или находящиеся на более высокой стадии развития мысли, обладают большей компетенцией в разъяснении ее значений. Сегодняшний индуизм, по его мнению, «имел лишь гнилую шелуху, без ядра, и потому данный скелет не стоит своего возрождения» [Там же]. Далее было опубликовано еще несколько писем, относящихся к данной полемике, после которых сам Бонкимчондро посчитал нужным прекратить дискуссию.

Нужно сказать, что позиция У. Хасты была более характерна для того периода, нежели мнение Бонкимчондро. В целом вопрос отношения к Индии являлся неоднозначным для западного общества. Как показала в своем исследовании Е.Ю. Ванина, XIX век стал для многих европейских стран периодом открытия индийской древности [1]. Западными учеными-ориенталистами было изучено множество вопросов, касающихся истории и культуры Индии. Вероятно, именно с этим было связано утверждение Хасты о том, что современные ему европейцы гораздо лучше самих индусов понимали их религию. Более того, для многих западных ученых древняя индийская культура была объектом преклонения. Однако речь шла именно о древней культуре, современный же индуизм считался чем-то деградировавшим [1] (отсюда и заключение европейца об индуизме как о «шелухе без ядра»).

С другой стороны, распространенным был и общий ориенталистский тезис, ставший частью колониальной политической повестки и основой репрезентации колониальной власти. Заключался он в признании отсталости Индии и нахождения ее на ступени «варварства» в силу наличия множества предрассудков, идолопоклонства и т. п. [1]. Фактически формирование общественной мысли внутри самого колониального социума и рефлексия сути собственных религиозно-культурных ценностей были реакцией на эту самую повестку. Очевидно, что Хасты в своих письмах ее и дублировал. Неудивительно и некоторое разочарование Хасты при раскрытии имени оппонента, ведь Бонкимчондро Чоттопаддхай принадлежал к прослойке новой индийской элиты, которая создавалась непосредственными стараниями британских колониальных властей.

Этот слой людей формировался благодаря распространению европейского образования и достижений западной гуманитарной науки. Очевидно, что он был необходим метрополии как опора колониальной власти. Существование этого слоя было принципиально новым по сравнению с традиционной структурой бенгальского социума. В традиционном индийском обществе функцию интеллектуального и духовного руководства выполняли представители брахманской касты, в то время как новая интеллектуальная элита формировалась из различных каст, этносов и религиозных групп, хотя в Бенгалии многие представители новой элиты и были выходцами из брахманов. Ни в санскрите, ни в местном бенгальском языке не было термина для обозначения данной категории людей, и в колониальной Бенгалии стал использоваться термин *bhadlarok* (букв. «уважаемые люди»), либо уважительное обращение *бабу*.

Выявляя ведущую роль данного класса в формировании националистической идеологии, индийский историк П. Чаттерджи обозначил его как посредника между колониальной властью и индийским обществом [8].

В этом плане многие представители данного класса оказывались в весьма сложной ценностной и даже политической ситуации.

Нужно признать, что позицию Бонкимчондро на тот момент могли разделить далеко не все его соотечественники, принадлежавшие к классу *бабу*. В рамках данной дискуссии было также опубликовано мнение президента Бенгальской Ассоциации христиан Кришны Мохана Банерджи¹, свидетельствующее о том, что он не разделял мнение Чоттопаддхая относительно отдельных особенностей индуистской религии. Банерджи писал, что Хаста лишь обратил внимание на то, что «знаменитые брахманы участвуют в церемонии, в смысл которой они не верят» [5].

С одной стороны, взгляды новой индийской элиты, получившей британское образование, развивались вполне в духе европейской интеллектуальной культуры. С другой стороны, эти люди были вынуждены (и даже со временем стремились) подвергать рефлексии устои колониального общества и сущность европейской цивилизации. Со временем у них возникает особенность, которая во многом определила будущие формы развития индийской антиколониальной идеологии – дилемма между вестернизацией и сохранением самобытности. Безусловно, подобная дилемма встречается практически во всех обществах, в той или иной форме столкнувшихся с западной цивилизацией. Однако было бы упрощением сводить эту дилемму исключительно к конфликту между поборниками традиционных индийских ценностей и приверженцами западных образцов. В колониальной Бенгалии представители интеллигенции нередко критиковали друг друга за излишнее подражание западным образцам либо, напротив, за отступление от канонов современной «цивилизованной» культуры. Но этот конфликт представлял собой лишь внешний, поверхностный уровень проявления данной дилеммы. На более глубоком уровне она зачастую проявлялась как внутренняя характеристика формирующегося националистического и общественно-политического дискурса. Эта дилемма могла быть явно или в данный период чаще имплицитно заложена во взглядах и концепциях отдельных представителей бенгальской (и в целом индийской) элиты, представляя собой уже не только конфликт, но и, возможно, варианты его разрешения.

Что касается Бонкимчондро Чоттопаддхая, то он сыграл особую роль в осмыслении сущности колониализма и взаимоотношений между цивилизациями. Она заключается не только в литературном новаторстве (его справедливо назвали «родоначальником нового бенгальского романа») и влиянии на общественно-политическую мысль, которое он оказывал на-

¹ К.М. Банерджи – известный бенгальский просветитель, состоял в обществе «Молодая Бенгалия». Под влиянием западной культуры принял христианство.

чиная еще с 1860-х. Он примечателен еще и тем, что являлся примером наиболее успешного человека колониальной Бенгалии.

Будучи выходцем из брахманской семьи, Бонкимчондро получил блестящее по тем временам образование. Он был выпускником «Хинду колледжа» и одним из двух первых выпускников Калькуттского университета. В своей карьерной лестнице он достиг потолка, о котором мог только мечтать каждый представитель класса *бабу* в то время. В разное время он занимал должности финансового инспектора и помощника судьи (на более высокие должности представителей туземного общества просто не допускали) [3].

В случае с Бонкимчондро Чоттопаддхем дилемма между самобытностью и вестернизацией была проблемой не только его теоретических рассуждений, но и всей его жизни. Соединяя в себе внешнюю принадлежность к колониальной системе (к тому классу, на котором она основывалась) с глубокой внутренней оппозиционностью по отношению к ней, он пытался найти разрешение данного конфликта в художественной литературе. Данная американским исследователем индийского происхождения С. Кавираджем характеристика Шри Комолаканто, героя одного из его сатирических произведений – «Тайная биография Бонкимчондро Чоттопаддхая» [6], как нельзя лучше описывает эту ситуацию. Сатирический сборник «Комолаканто» публиковался в журнале «Бангадаршан» с 1873 по 1875 г. Главный герой, бедный брахман Шри Комолаканто, который зачастую воспринимался окружающими людьми как сумасшедший, рассуждает о самых разных вопросах. Представляя собой «Тайную биографию Бонкимчондро Чоттопаддхая», Комолаканто являлся полной противоположностью своего создателя. Безработный маргинал, употребляющий опиум, сумасшедший и кажущийся абсолютно иррациональным, Комолаканто внешне максимально дистанцирован от почитаемого в обществе, солидного, трезвомыслящего и рационального Бонкимчондро [6].

В то время как сам Бонкимчондро являлся представителем вестернизированной части индийского общества, созданный им герой, безусловно, был исключительно «внутренней» фигурой индийской жизни, не имевшей никакого отношения к колониальной системе. Даже его участие в колониальном суде в качестве свидетеля описано не им самим, а от третьего лица. Единственным мостом между Комолаканто и колониальным влиянием была высокая степень его образованности: помимо санскритской культуры он хорошо разбирался и в западных теориях, которые зачастую становились объектом его насмешек.

Несмотря на принадлежность Комолаканто к «внутренней» сфере и его открытое дистанцирование от «внешних» вопросов («Я поэт, а не мелкий политикан» [4]), практически весь сборник «Комолаканто» является ирони-

ческой критикой устоев колониального общества. Причем данная критика облачена в абсолютно иррациональную форму: Комолаканто под воздействием опиума слышит речи животных, птиц и насекомых и разговаривает с ними. В социалистической речи котенка, которого Комолаканто хотел ударить за то, что тот выпил причитающееся ему молоко, нетрудно увидеть антиколониальный (и шире – антирасистский) характер. «Не презирайте нас за то, что мы темношкурые. И у нас есть определенные права на рыбу, мясо, которыми питается вся наша планета» [Там же]. Прилетевший с Запада попугай какаду называет себя благодетелем муравьев – «сынов Бенгалии», которые сбегаются на упавшую с его жердочки каплю молока [Там же].

Бонкимчондро высказал принципиально важную идею: он обвинил в аморальности не только западную цивилизацию, но и созданную ею систему международного права. В «Свидетельских показаниях» Комолаканто посоветовал отдать похитителю похищенную им корову на основании норм европейского международного права. «Если хочешь слыть цивилизованным, развитым – отнимай, разбойничай. Разумей под телкой корову или землю, ее во всех случаях доит грабитель. Если признаётся право завоевателя, зачем тогда оспаривать право разбойника», – заключает Комолаканто [Там же].

Фактически устами Комолаканто автор критикует, иронически высмеивает не только нормы западного общества, но и всю колониальную систему британцев в Индии, к поддержанию которой сами колонизируемые имеют непосредственное отношение. Излюбленный объект иронии Комолаканто – вестернизированный класс бенгальских *бабу* (одним из наиболее ярких представителей которого был и сам Чоттопаддхай). Возмущаясь жужжанием залетевшего к нему шмеля, он спрашивает: «Зачем ты прилетел? Здесь не Брахмо Самадж, чтобы жужжать...» А шмель в конце своей ответной речи заявляет: «Мне очень не нравится нытье вашей нации. Возьми хоть меня, маленькое насекомое, я ведь не только ною, я еще собираю мед и умею жалить. А вы, кроме нытья, ни на что больше не способны» [Там же]. Особый объект насмешки – стремление бенгальских *бабу* к участию в политической жизни. Комолаканто сравнивает его с желанием немого быть красноречивым и мечтами хромого о быстрой ходьбе. «У нации, которую покорили всего семнадцать всадников, политики быть не может, и прошение милостыни – единственная ее политика». В соответствующей зоологической аллегории Комолаканто узнаёт в собаке и буйволе два типа политиков, первый из которых, занимающийся попрошайничеством и жалобной политической агитацией, олицетворяет политизированных бенгальцев, а второй, сметающей всё на своем пути, – Горчакова и Бисмарка (т. е. европейцев) [4].

С. Кавирадж говорит и о третьем, более глубоком и скрытом уровне иронической критики в «Комолаканто». Он проявлялся в самоиронии и

критическом самоописании главного героя. Во-первых, очевиден социальный контекст ситуации, когда молочница Прошонно безвозмездно кормит брахмана Комолаканто. Во-вторых, ироническое высмеивание бездомного поэта представляет собой, по мнению С. Кавираджа, сатиризацию беспомощности, а следовательно, трагическое восприятие самого состояния подчиненности. По выражению исследователя, суть сатирического дискурса Бонкимчондро «заключалась в насмешке не только над миром, но и над собственной насмешкой над миром, а потому – над собой». Данную черту С. Кавирадж считает не просто персональным стилем автора, а общей чертой формирующегося коллективного *дискурса подчиненности* (*discourse of subalternity*), отличающегося сочетанием трагизма и иронии, зачастую выступающей в форме самоиронии [8].

Одна из ключевых заслуг Бонкимчондро Чоттопаддхья заключалась в том, что он перевел осмысление бенгальцами европейской цивилизации на принципиально иной уровень. Если в первой половине XIX в. оно сводилось чаще всего к подсчету теоретически возможных плюсов и минусов владычества цивилизованной нации, то Бонкимчондро начинает оценивать саму суть европейской общественной системы и культуры. Отчасти данные оценки были представлены в приведенной выше полемике с У. Хасты, в которой Бонкимчондро защищал собственные религиозные ценности перед европейской критикой с помощью рационалистических аргументов, направленных не на прямое отрицание европейских концепций превосходства, а на поиск в них внутренних противоречий.

При этом он никогда не отрицал действительных достижений западного мира, а также полезности и необходимости их заимствования. Но основной проблемой писатель считал произошедший в европейской жизни разрыв между религиозными идеалами и политической практикой. По мнению Бонкимчондро, христианская религия, идеализирующая образ тихого, миролюбивого и милосердного отшельника, контрастировала с западной политической сферой, ставшей полем битвы жестоких сил, посвященных аморальным занятиям и мирским благам. В Индии, по мнению писателя, тоже произошел подобный разрыв, заключавшийся в отходе от высшего идеала Кришны, представленного в Махабхарате, к Кришне, почитаемому в народных культах, и обрести потерянное единение между религией и политикой можно только путем возрождения образа Кришны, представленного в Махабхарате. При этом образ Кришны как идеального человека представлялся Бонкимчондро более подходящим для воплощения в политической практике, нежели идеал Христа. Последний, по мнению Бонкимчондро, мог провозгласить лишь принцип отречения от насилия (если бы евреи выбрали Христа руководителем восстания и войны за независимость, он бы сказал: «Воздайте Кесарю кесарево» и отказался от битвы). Кришна, как утверждал

Бонкимчондро, тоже не был сторонником военных действий, однако справедливую войну он оправдывал. Таким образом, истинный баланс между религией и политикой, необходимый для современной Индии, заключался в моральном оправдании войны с целью самообороны, а отречение от такой войны – проявлением аморальности [8].

Характерная для общественно-политической мысли многих незападных обществ дилемма между вестернизацией и сохранением самобытности приобретает в колониальной Бенгалии особый смысл. Новая индийская элита, к которой принадлежал Бонкимчондро Чоттопадхай, на себе ощутила влияние вестернизации и во многом являлась адептом западной интеллектуальной культуры. Но, с другой стороны, колониальные реалии требовали от ее представителей иначе оценивать как западную цивилизацию, так и характер ее влияния на индийское общество. Бонкимчондро Чоттопадхай был одним из первых мыслителей, кто вывел эту проблему на принципиально иной концептуальный и идеологический уровень. Впоследствии в том числе и его идейное наследие позволило Индии разрешить дилемму между западничеством и самобытностью практически, построив государство современного образца при сохранении собственных культурных и религиозных традиций.

Литература

1. *Ванина Е.Ю.* Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века) // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. – М.: Наука, 2007. – С. 486–528.
2. *Китлинг Р.* Баллада о Востоке и Западе: стихотворения / пер. с англ. Г. Бена и др. – СПб.: Азбука, 2008. – 302 с.
3. *Новикова В.А.* Бонкимчондро Чоттопадхай: жизнь и творчество. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. – 210 с.
4. *Чоттопадхай Бонкимчондро.* Индира / пер. с бенгальского Е. Смирнова, И. Товстых. – М.: Художественная литература, 1963. – 440 с.
5. *English writings of Bankimchandra* / Ed. by S. Chattopadhyay. – Kolkata: Deep Prakashan, 2005. – 420 p.
6. *Kaviraj S.* The unhappy consciousness: Bankimchandra Chattopadhyay and the formation of nationalist discourse in India. – New Delhi: Oxford University press, 1998. – 298 p.
7. *Roy Raja Rammohun.* The English works. In 4 vol. Vol. 2 / ed. by J.C. Ghose. – New Delhi: Cosmo, 1982. – 144 p.
8. *Chatterjee P.* Nationalist thought and the colonial world: a derivative discourse. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. – 180 p.

Статья поступила в редакцию 18.06.2018.

Статья прошла рецензирование 14.08.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-284-295

BETWEEN WESTERNIZATION AND IDENTITY: THE WESTERN CIVILIZATION AND THE COLONIAL SYSTEM THROUGH THE EYES OF BANKIM CHANDRA CHATTOPADHYAY

Palisheva Natalia,

Cand. of Sc. (History),

Associate Professor, Department of Theory of State and Law,

Siberian Institute of Management – the Branch of the

Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration,

6, Nizhgorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5759-4562

palisheva17@yandex.ru

Abstract

The nature of Western civilization has been interpreted in many ways in the majority of non-European societies, which faced it. This process was mostly pronounced in British India. The representatives of the new, colonialist-built elites had to reflect upon not only their own and European living principles, but also to discuss the topics concerning their submissive and fairly complicated position in that political system.

The paper analyzes the personal views of a famous Bengali writer of the XIX century Bankim Chandra Chattopadhyay. He was not only a famous writer, but also an extremely successful person in the Bengali society of those times. After getting a perfect education, he achieved the highest point of his career. Then he started sharing his opinions in public, which, considering his social status and Bengali social structure of that time, was fairly venturous. Entering a public epistolary intercourse with one prominent European figure, he began to protect the Hindu religion from the outside attacks and he even questioned the well-known idea of Europe's intellectual supremacy. With the help of his satiric writers, e.g. «Kamalakanta», he actually poured ridicule not only on the colonial position of his country, but also on the Western system of International Law.

Remaining a bearer of Western world view and values, he did not challenge the key achievements of the European world, Bankim Chandra tried to reveal its various problems. Thereby the writer proposed his own way of overcoming one of the most essential colonial state questions – the dilemma between westernization and the drive for their own identity.

Keywords: colonial Bengali, India, Bankim Chandra Chattopadhyay, anticolonial ideology, westernization, colonial system.

Bibliographic description for citation:

Palisheva N. Between westernization and identity: the Western civilization and the colonial system through the eyes of Bankim Chandra Chattopadhyay. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 284–295. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-284-295.

References

1. Vanina E.Yu. Proshloe vo imya budushchego. Indiiskii natsionalizm i istoriya (seredina XIX – seredina XX veka) [Past for the future. Indian nationalism and history]. *Natsionalizm v mirovoi istorii* (mid XIX – mid XX century). [Nationalism in the world history]. Ed. by V.A. Tishkov, V.A. Shnirel'man. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 486–529.
2. Kipling R. *The ballad of East and West* (1899) (Russ. ed.: Kipling R. *Ballada o Vostoke i Zapade*: poems. Translated from English G. Ben et al. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2008. 302 p.).
3. Novikova V.A. *Bonkimchondro Chottopaddhay. Zhižn i tvorcestvo* [Bankimchandra Chattopadhyay: the life and creation]. Leningrad, LSU Publ., 1969. 210 p. (In Russian).
4. Bankimchandra Chatterpādhyāya. *Indira and other stories*. Calcutta, Modern Review Office, 1918 (Russ. ed.: Chottopaddhay Bonkimchondro. *Indira*. Translated from Bengali E. Smirnova, I. Tovstyxh. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1963. 440 p.).
5. Chattopadhyay S., ed. *English writings of Bankimchandra*. Kolkata, Deep Prakashan, 2005. 420 p.
6. Kaviraj S. *The unhappy consciousness: Bankimchandra Chattopadhyay and the formation of nationalist discourse in India*. New Delhi, Oxford University press, 1998. 298 p.
7. Roy Raja Rammohun. *The English Works*. In 4 vol. Vol. 2. Ed. by J.C. Ghose. New Delhi, Cosmo, 1982. 144 p.
8. Chatterjee P. *Nationalist thought and the colonial world: a derivative discourse*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1993. 180 p.

The article was received on 18.06.2018.

The article was reviewed on 14.08.2018.